

— Сразу же после моего возвращения из командировки в Мурманск, 26 февраля, мы поехали с папой вдвоём на рыбалку в Сосновый Бор. Это был второй выход его на лёд, первый после утопления мотоцикла. Далеко идти за судаком мы не собирались, папа не осилил бы больше двух-трёх километров. Взяли на всякий случай и на плотву снасти, в Сосновом Бору и плотву ловят, причём очень близко от берега. Но в этот раз плотвишников мы не увидели, хотя лунки их нашли. Пробовали в них ловить - глухо, никаких намёков на поклёвки.

— Пойдём, ещё вперёд пройдемся, - предложил я папе. Он согласился. Мы отошли ещё километра на полтора вглубь залива и увидели самых ближних судачников. От берега досюда было минут 35 спокойной ходьбы. Решили попробовать поблеснить здесь. Заняли чьи-то старые лунки, я показал папе, что нужно делать судаковой удочкой, нацепил ему кусок корюшки на блесну, сам уселся блеснить метрах в четырёх от него.

— Сидели так около часа без признаков клёва, как вдруг папа позвал меня и сказал, что у него что-то было, вроде как кто-то хватал за блесну. Я вытащил из лунки его удочку - наживка цела, и сунул туда свою. Раза два только поднял и опустил блесну - поклёвка! Но не засёкся. Я поправил кусок корюшки и продолжил блеснение. Через минуту - есть! Вытащил килограммового судака. Папа был очень доволен, и я тоже.

— Надо же - совсем рядом с берегом поймали, не надеясь, в общем-то, ни на что. И сидели недолго. У соседей же вокруг - ничего. Мы поблеснили ещё с полчаса, больше поклёвок не было, папа стал мёрзнуть, и мы с ним отправились к берегу на четырёхчасовой дизель, считая рыбалку вполне удавшейся.

— 1-го марта (а весной и не пахло, лёд стоял полуметровый, покрытый снегом) я поехал один на разведку в Каширское. Ещё в середине февраля ко мне домой заходил как-то Шевчук и хвастался, что хорошо ловит плотву в Каширском, причём недалеко от берега. По его совету я остановился у первых домиков - стенок изо льда и снега, которые рыбаки сооружают для защиты от ветра, километрах в полутора-двух, не больше, от берега. Глубина метра три. Ловил на чёрный хлеб и поймал 58 штук, правда, некрупных плотвин - средних и мелких, но вполне пригодных для вяления. Клевало лучше всего с часу до полчетвёртого. Погода была ясная, минус 5°, ветер Ю.-В., умеренный.

— Через день, 3-го марта мы поехали в Каширское уже четвером - я, папа, Серёжа и Володя Смертин. На льду разделились, и мы с папой сидели метрах в ста от Серёжи со Смертиным. Было пасмурно, сеял дождик, +2°-+3°, ветер Ю.-З., умеренный. Поначалу дела у нас шли неважно, несмотря даже на подкормку, тогда как сосед неподалёку таскал одну плотву за другой. Как выяснилось, он ловил на плавленый сыр. Попросили у него сырка, но заметного прогресса не добились. А вот когда стали шарики из сыра делать поменьше, клёв резко улучшился, и с двух до полпятого мы с папой поймали 47 штук, в том числе одну здоровенную, причём папа довольно быстро освоил технику подсечки и вытаскивания плотвы и управлялся вполне самостоятельно. У ребят же клевало хуже: Смертин поймал штук 20, а Серёжа около десятка.

— Через неделю (9-го марта) поехали туда же тем же составом да плюс ещё Лёнька Захаров. Было ясно, температура +1°-+2°, ветер Ю., умеренный. Мы с папой поймали 41 штуку средних плотвиц на сыр общим весом примерно на 2 кг, у остальных хуже. Около пяти часов вечера на берегу в Каширском "левые" автобусы забирают "безлошадных" рыбаков в Калининград - очень удобно. Но это только в выходные дни.

Ленинград, 2 марта 1979 г.

Дорогой Сашок!

— Через пару дней начинается Великий пост, и я на некоторое время, наверное, прекращу писать всю эту суетную писанину.

— Пост всегда вызывает энтузиазм. Я уже предвижу, как через два дня, вечером в воскресенье 4 марта на прекрасную службу Прощения к нам в церковь набьётся много молодёжи; да и в последующие четыре дня во время чтения Великого канона Андрея Критского (эти прекрасные в своём мрачном великолепии службы первой недели поста) храмы по вечерам будут переполнены несмотря на то, что после работы люди будут чувствовать себя усталыми. Но на то и пост. После энтузиазм спадёт до Страстной недели.

— Как изменилось отношение к посту за несколько десятилетий! Наши деды и прадеды (из интеллигенции) в основном воспринимали пост как утомительную и стесняющую обязанность. Конечно, в первую неделю поста и на Страстной не работали заводы, институты, гос. конторы, - и каникулы лишний раз не помешают. Но ведь вот беда, - и в храм при этом не ходить неудобно. Ведь на то и закрывались все учреждения, чтобы люди могли ходить в церковь. На посту положено было причащаться, исповедоваться. Всё это смущало совесть: ведь в основном они были неверующими. Точнее, большая часть из них исповедовала свою "веру" в весьма содержательной фразе: "Конечно, что-то есть такое, но ..." Далее этого откровения мысль уже не срабатывала, а чувства тянули к "запретному плоду", к "культуре". Страшно подумать: в посту угаснут все светочи культуры, всё "разумное, доброе, вечное", т.е. Императорский балет, выставки передвижников, МХАТ с последним криком Чехова и Горького, варьете с оперёнными дивами, шахматный клуб и скачки, - всё, всё это будет под страхом штрафа закрыто до самой Пасхи! Зато зловещим светом замерцают все эти очаги мракобесия и невежества. Нет, в Париж, в Париж... К Пасхе можно будет вернуться: во всём этом разгуле и перезвоне "что-то есть"; да, да ..., все мы и в Париже остаёмся русскими людьми, широкими душами. Крашеные яйца, поцелуи при встречах, куличи, малиновый звон ... как это прекрасно! Но и сюда, в эту радость вползает это затхлое суеверие. Ну почему, почему так? Почему нельзя бить в колокола "просто так" и просто так, по-человечески, красить яйца? Ах, скорей бы уж революция, что ли? А теперь этот пост. Ах, Вольтер, Вольтер! *Ecrasez l'inf(*me, - говаривал он, - "раздавите гадину", это он о Церкви. Как он был прав.

— Сейчас же, хотя постится несравнимо меньше людей, пост никем не воспринимается, как что-то отрицательное. Никому и в голову не придёт подсмеиваться над постящимися. Напротив. Даже люди, никакого отношения к Церкви не имеющие, начинают усердно поститься своим духовно недисциплинированным, чисто медицинским постом по разным причинам, но всё же для своего блага. Некоторые (из молодых) пытаются как-то нащупать и дисциплину поста, делают при этом йогические фиксации. Как бы то ни было, но страдать при этом от упущенных радостей культпросвета никому не приходит в голову.

— Как и каждый год, у меня многие просят переписать им знаменитую великопостную молитву св. Ефрема Сирина, известную по превосходному переложению Пушкина. Ведь мало у кого во внецерковном мире есть молитвенники. "Господи и Владыко живота моего ..." Людям явно недостаточно пушкинского "Отцы пустынноики...". Это любопытно. И вполне понятно. Менее понятен другой факт: какой психологический сдвиг был во времена самого Пушкина? Что в людях происходило такого, что им как раз наоборот было недостаточно, даже вовсе неприемлемо "Господи и Владыко живота моего...", но потребовалось ещё красивое, но для искренней духовной жизни, пожалуй, вычурное "Отцы пустынноики..."? Это сейчас почти непостижимо. Здесь какой-то лишь констатируемый, но в конкретности непредставимый выход как бы в другое измерение. Умом мы всё постигаем, что может быть нормаль к трёхмерному пространству, но конкретно ощутить её не в состоянии.

V. "Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть что начало быть" (Ин 1,3).

— Речь в этом стихе идёт о Слове, Которое несколькими стихами позже обозначается как Свет. Справедливость стиха (1,3) во вполне конкретном смысле мы уже попытались себе уяснить. В самом деле, опыт бытия (как своего собственного, так и чужого бытия, бытия "всего") мне дан в самосознании и возникающем параллельно с ним сознании всего другого. Поскольку никакой моей инициативы в приобретении самосознания нет, - ясно, что жизнь и сознание я получаю уже готовенькими. Мы даже можем не вдаваться в схоластические обсуждения, где, в каком конкретном месте и с помощью каких конкретных механизмов действует принцип, источник, начало моей жизни и сознания. Нам достаточно уяснить себе, что этот источник есть (в природе ли, вне природы ли, действует он непостижимо таинственно или через логически разложимые действия каких-то там молекулярных взаимодействий, - всё это лишнее), достаточно прочувствовать и понять ту очевидность, что то, что я называю своей жизнью, чувством жизни, знанием жизни, - есть действие во мне этого независимого от моей воли и инициативы источника моей жизни. И пока, пребывая в полном неведении о Его природе, мы вольны обозначать этот живородящий источник как нам придётся: Словом (Логосом) по аналогии со Смыслом (Логосом), который Он нам дарует, Светом истины по упомянутой уже нами аналогии со зрением, действием каких-то физических сил, - скажем, электромагнитных колебаний в мозговых клетках и т.п. И поскольку это начало жизни и знания является причиной нашего опыта бытия (своего и чужого), для нас без Его действия не существовало бы ничто (ни я сам, ни окружающее меня бытие, т.к. если нет меня, то для меня нет и ничего). И уже в этом, ограниченном и конкретном смысле, воистину без Него ничто не начало быть, что начало быть.

— (Здесь мы ощущаем правду и ложь субъективного идеализма. Да, логически неопровержимо, что весь мир (и моё бытие) даны мне в моём знании. Но моё знание уже не зависит от меня, оно само мне даётся, а раз даётся, значит существует нечто объективно существующее, определяющее и моё знание. Конечно, это очевидность, и субъективная философия - всегда только философия, т.е. игра понятиями.)

— Итак, действительная информация об объективном бытии мне дана. "Данность этой информации ощущается мною, как моя жизнь, как знание (жизнь и знание одновременно, в неразрывном единстве). Это обозначается иногда и другими словами. Например, по юридической, а не оптической аналогии - "законом". Закон - нечто объективное, принудительное, обязывающее. Так и жизнь, действующая во мне, может называться законом моего существа, моей природы.

Знание, сознание пробуждает мою реакцию на объект сознания. Это мои действия, мыслительные и физические, присущие моей природе. Без сознания, совершенно без информации о мире я не действовал бы, не реагировал бы на мир. Раз мира для меня (как существа человеческого) не было бы, то не было бы и моего (человеческого) действия на этот мир и в этом мире. Это ясно. Поэтому Логос - в основе моего бытия и действия.

— Нетрудно себе уяснить, что и другие люди ощущают свою жизнь, как и я, как и я сознают (не по количеству, а по качеству), как и я страдают и радуются. В нас действует один и тот же закон, присущий человеческой природе. Не похожие законы, а именно один и тот же закон, объективно независимое от нашего хотения начало нашей жизни и сознания. Это мы тоже уже видели, что Свет жизни не зависит от ума, которому он светит. Умы разные, но Свет один. Все другие люди живут в принципе как я сам. Переживание этой природной общности всех в одном и одного во всех очевидно дано нам в чувстве сострадания, в переживании христианской агапы (особый оттенок любви: слово "любовь" очень многозначно, это очень важно учитывать при чтении переводов с греческого, в частности, Нового Завета. Минимум четыре разных чувства, выраженные по-гречески четырьмя совершенно разными глаголами, по-русски передаются за неимением других

слов одним глаголом "любить"). В самом деле, сострадание практически невозможно объяснить материалистически, и непротиворечивое объяснение это чувство находит в нашем ходе рассуждений. Ведь я ровным счётом ничего не предпринимаю для того, чтобы сострадать другому. Это сострадание возникает в моей душе само вместе с сознанием чужого страдания. Во мне бьётся чужая боль, во мне бьётся чужая радость и чужая жизнь. Но мы уже выяснили, что то, что я называю ощущением своей жизни (с болью и радостью), - это жизнь Логоса. Она в другом, она же во мне.

— Справедливо сказанное о других людях можно перенести на животных. Их природа качественно иная, и внутри самих животных большое качественное многообразие. Поэтому качественно различно действие в них Логоса. Пожалуй, я неверно выразился: различно не действие Логоса, а природная способность усваивать это действие. Различны и законы, по которым животные реагируют на сознаваемый мир, но в основе всего многообразия лежит один и тот же закон - Логос.

— Животное сознаёт мир, реагирует на него, сознаёт и себя, свою жизнь. Животное способно на сострадание (не только домашнее, но и дикие звери и птицы). Эта способность, по-видимому, в прямой зависимости от способности сознания вообще. У некоторых существ сострадание доходит до высочайших выражений, редко доступных и человеку. Объяснить эти факты бессмысленными инстинктами (ещё одно мистическое слово) или борьбой за существование не представляется возможным. Это явная хула на любящую тварь и на Бога, дающего ей эту любовь.

И в нас может говорить сострадание к животному. Это тоже следствие единого животворящего Света, действующего во мне и в животном. И этот случай тоже невозможно уяснить механико-материалистическим путём. (Пробовали объяснять "пережитками" тотемического обожествления животных в первобытную эпоху. Это подошло бы для Фрейда. Но ни моему сердцу, ни здравому смыслу это ничего не говорит.)

— Жизнь животного, его сознание и самосознание находятся в той же зависимости от источника жизни, как и человеческая жизнь.

— А мёртвые, неодушевлённые предметы? Здесь мы вроде бы сталкиваемся с непреодолимой трудностью. Все мёртвые существа и вещи существуют - именно "для нас", потому что мы их знаем или сознаём, но они не существуют для себя, ибо не сознают. Ведь в подлинном, последнем смысле быть (аз есмь) - это и значит сознавать. Совершенно бессознательное бытие - не есть бытие: это мы уясняем из собственного опыта. Но хотя это так, - мы не понимаем, как это, собственно, возможно - быть и не быть одновременно. И, основываясь опять же на нашем собственном опыте, на понятии о бытии, которое мы имеем в лице нашего собственного бытия (а откуда мы ещё могли бы почерпнуть понятие бытия?) - мы приходим к убеждению, что либо эти мёртвые вещи совсем не существуют (для себя), а "существуют" только "для нас", т.е. как представления нашего сознания, и значит в подлинном смысле не существуют, либо же - и таков окончательный вывод в виду неудовлетворительности первого предположения - они хоть в зачаточной, смутной, потенциальной форме существуют и для себя, сознают себя, суть еле тлеющие искорки всё того же абсолютного Света. То, что есть, как-то (хотя бы зачаточно) живёт, а то, что живёт, как-то (хотя бы зачаточно) одушевлено и сознательно. В последней глубине бытия нет ничего кроме света, и лишь на поверхности бытия мы видим, - в силу ли искажённости самого бытия или по нашей недалёковидности, - слепоту и тьму.

— Здесь, действительно, нет непреодолимой логической трудности (я уж не говорю о том, что для религиозной интуиции это вообще не трудность). Ведь что мы назвали сознанием? Это пассивное получение знания, т.е. информации о какой-то реальности.

— Сознательная жизнь выявляет себя в реактивности на получаемую информацию, в действии, в поведении по законам родовой природы. Всё это, как мы видели, входит элементами в общий комплекс жизни или сознания.

— Если существо не имеет никакой информации о чём-то, то оно на это не существующее для него что-то и не реагирует.

Посмотрим на любой мёртвый предмет, на камень, который падает на землю. Камень всегда и с неизменной точностью будет реагировать на своё положение над землёй. Эта привычная очевидность не вызывает удивления только в силу своей привычности. Вдуматься только: раз камень реагирует, значит для него существует и земля и его положение над её поверхностью, значит он имеет информацию об этом, значит он знает об этом, значит он обладает сознанием. (Не надо бояться этого слова: здесь опять действует привычка. Под сознанием мы привыкли понимать качественно очень высокое и сложное сознание, и в сознательности часто отказывают даже животным, хотя это явная нелепица.)

— Как камень получает информацию о том, что "надо падать"? Скажут: очень просто: здесь происходит взаимодействие гравитационных полей камня и земли (или что-то вроде этого). В том-то и дело, что не просто. Ведь вопрос идёт не о конкретном механизме реакции, а о начале реакции, о причине её, о знании камнем мира и его законов. Но даже если обратиться к пресловутым гравитационным полям, которые "тянут" камень, то разве не удивительно, что эти поля взаимодействуют, т.е. знают друг о друге и о камне, что его надо тянуть?

— Ни камня, ни земли, ни полей просто не было бы, если бы в них не действовало начало знания, если бы они не были подчинены законам своего бытия, универсальным и вечным, независимым от конкретных камней.

Итак, бессмысленная, несознающая, нереагирующая, косная и недействующая материя - фикция, чистое ничто. Реальное бытие проникнуто насквозь сознанием. Где бытие - там сознание (в любой форме), где сознание - там бытие. Вопрос о первичности и вторичности материи и сознания отпадает сам собой, ибо материи в чистом виде мы нигде и не встречаем. Если материя - сама бытийствующая реальность, то она сознательна, но тогда Логос, свет знания, закон бытия, Бог - и есть материя.

— Так мы залезли в дебри философии, но всё же выяснили, что "всё через Него начало быть", что Он и быть - одно и то же.

— Собственно, сведя всё к Единому началу, мы никаких великих открытий не сделали. Истина - одна для всех.

1. Спросим естествоиспытателя: что есть истина? Подумав, он ответит, что истина мира в единстве всемирного механизма (без этого убеждения он не смог бы ничего исследовать).

2. Спросим философа: Истина, скажет он, в единстве логической связи, обнимающей всё бытие.

3. Спросим верующего богослова: Истина, ответит он, в живом единстве бытия и мира, как одухотворённого и богоносного тела.

— Из 1 явно вытекает 2 и наоборот, ибо механизм подразумевает логику, а логика, спроецированная в действие, как раз и даёт механизм.

— Но вот ни из 1, ни из 2 явно не вытекает 3, высшее единство. Здесь требуется вживание в единства (1 и 2) до последней степени, признание того, что моё бытие, моя жизнь - не исключение из этого единства, что в живом чувстве живого бытия это единство себя мне как раз и открывает, как живую личную силу. Анализ несложный.

— Так большинство философов и признаёт: Единство (или Материя), Самобытие - живое личное существо.

— Некоторые (правда, немногие) - отрицают жизнь и разум в этом Единстве. Но оставим это на их философской совести. Мы сделали, что могли, чтобы разобраться в этом вопросе.

— Для меня это не было предметом умственных спекуляций, но было просто очевидно переживаемой данностью, что моё бытие, моя жизнь, её ощущение по существу совпадает с ощущением бытия других тварей, что в этом чувстве мне открывается принцип бытия вообще. И поскольку откровение это происходит для меня как живое сознание, я и признаю принцип моего бытия Живым Сознанием, или Богом, Йаг'ве.

— Может быть здесь я подходил к рациональному описанию своего чувства не совсем хорошо. Я уже писал, что путей много: за что ни возьмись - всё говорит о Боге. Но уж как получилось.

— Признать Бога - не оригинальность. Это неизбежная необходимость. Но тут только и начинаются трудности и для чувства и для ума.

— Да, Бог - источник всего, принцип моего бытия в частности. В Нём я соприкасаюсь с блаженством и вечностью. Это чувство мне иногда даётся в удивительной полноте и радости жизни. Но это - иногда. Я касаюсь на миг вечности и исчезаю в небытие. Зачем это? Где в этом смысл? Вопрос о спасении опять встаёт передо мною. В Бога в той или иной форме верили все народы земли, но что это им в конце концов принесло? Не верить в Бога я не могу: Он есть, это для меня первейшая очевидность. Но что из того?

— Вот над этим вопросом в дальнейшем нам и придётся подумать, если ты пожелаешь.

— Пока же с наилучшими приветами тебе и Сашуле,

— Дима.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)